

УДК 930.1

**СПОРЫ О ПАТРИАРХЕ ФОТИИ: К ПРОБЛЕМЕ
«ВИЗАНТИЙСКОГО ПАПИЗМА» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.**

В.Р. Блиев

Аннотация

В статье на основе малоизвестных в отечественной историографии материалов рассматривается эволюция представлений о «восточном папизме» в отечественной византистике под влиянием актуальных церковно-политических проблем в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: историография, восточный папизм, патриарх Фотий.

Патриарх Константинопольский Фотий I (около 820–891) принадлежит к тем выдающимся историческим личностям, характер и значение деятельности которых заслуживают повышенного внимания со стороны исследователей. Выдающийся церковно-исторический деятель, известный своими трудами в области богословия и канонического права, отправивший святых Кирилла и Мефодия в Болгарию для проповеди христианства на славянском языке, автор первых достоверно датированных греческих текстов, упоминающих Русь, ревностный защитник православного Востока от владычества римских пап, он вызывал пристальный интерес со стороны отечественных византистов и историков Церкви. Однако до 1891 г., когда отмечалось тысячелетие со дня кончины (6 февраля) свт. Фотия, по мнению профессора А.П. Лебедева¹, в отечественной историографии насчитывалось менее десятка посвященных патриарху работ, из которых только три труда заслуживали серьезного внимания² (см. [1]). Сам А.П. Лебедев объяснял это незрелостью отечественной церковно-исторической науки,

¹ А.П. Лебедев (1845–1908) – доктор церковной истории, крупный специалист в области церковной истории. С 1871 по 1875 гг. занимал кафедру общей церковной истории Московской духовной академии, затем был профессором церковной истории в Московском университете.

² Следует отметить, что одна из этих трех работ принадлежит лично А.П. Лебедеву. Подобный казус стал возможен потому, что он издал свою обзорную статью «Много ли мы знаем о патриархе Фотии» анонимно. Это позволило А.П. Лебедеву в свойственной ему манере весьма критично охарактеризовать работы своих коллег и объяснить ряд собственных недоработок [1, с. 87]. На авторство А.П. Лебедева указывает его «История разделения церквей в IX, X, XI вв.» [2] (М., 1900), где он так же, как и в указанной статье, характеризует работу А.Н. Муравьева (см. [2, с. 345–348]) и иеромонаха (впоследствии митрополита) Герасима (Яреда) [2, с. 355–367]. Эти обзоры текстологически почти идентичны соответствующим разделам статьи «Много ли мы знаем о патриархе Фотии?» с той лишь разницей, что они написаны более пространно и изобилуют большим количеством фактов. В частности, обзор сочинения А.Н. Муравьева отличается в монографии от статьи тем, что в него добавлен ряд подстрочных комментариев и рассмотрен дополнительно сюжет об освещении А.Н. Муравьевым церковной истории X в., как этого требовал характер сочинения А.П. Лебедева. Был также убран особо резкий вывод о дилетантизме рассматриваемого автора. Аналогичную ситуацию можно наблюдать при сравнении разделов, посвященных митрополиту Герасиму.

которая в ответ на стремление западной историографии «набросить побольше тени на личность этого патриарха» «впала в противоположную крайность, ударилась в апологетизм» [3, с. 325]. Однако полемика, разгоревшаяся в отечественной византистике в связи с тысячелетием со дня кончины патриарха Фотия, показала, что отношение к нему не являлось столь однозначным, а реалии церковно-общественной жизни конца XIX в. требовали сдержанности в характеристике этой личности.

Причиной острой дискуссии о значении патриарха Фотия в церковной истории стала позиция Синода по вопросу характера чествования памяти патриарха. Константинопольский патриархат канонизировал Фотия в 1848 г. и тысячелетие со дня его кончины 6 февраля 1891 г. было торжественно отпраздновано в Константинополе. В святцы Русской церкви Фотий в то время включен не был¹, годовщина памяти патриарха была отмечена заседаниями светских организаций, таких, как «Славянское благотворительное общество» и «Историко-филологическое общество при Новороссийском университете»², но не Церковью. При этом по реакции на последовавший в печати протест относительно недопустимости подобного отношения к памяти «великого святого Вселенской церкви» (см. [4, с. 119])³ видно, что желание дистанцироваться от празднеств в честь Фотия со стороны обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева было сознательным. Оно было вызвано государственно-церковными интересами Российской империи на Ближнем Востоке и основано на авторитетном мнении профессора Санкт-Петербургской духовной академии И.Е. Троицкого, одного из самых крупных специалистов по церковной истории в отечественной историографии того периода и идеолога политики Св. Синода в восточном вопросе⁴. Из письма И.Е. Троицкого К.П. Победоносцеву от 19 февраля 1891 г. видно, что именно он рекомендовал воздержаться от празднования памяти Фотия церковным образом: «...статья “Гражданина” направлена прямо против той формы празднования юбилея Фотия, которую я позволил себе находить наиболее соответствующей данному положению» (ЦГИА. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 141. Л. 3).

Из черновика ответной статьи И.Е. Троицкого, напечатанной по предложению К.П. Победоносцева в «Московских ведомостях»⁵, видно, что для него

¹ Впервые имя патриарха Фотия было внесено в синодальный «Православный календарь» в 1916 г., а начиная с 1971 г. постоянно присутствует в месящеслове официальных календарей издания Московской Патриархии.

² На заседании этого общества с публичной речью выступил Ф.И. Успенский. В ней он связал личность патриарха Фотия со складыванием особой этнокультурной среды, обозначенной им как «византизм», причем он придал деятельности патриарха первостепенное значение в ее становлении [5]. Данная речь дает много любопытного материала для характеристики взглядов одного из крупнейших представителей отечественной византистики на изучаемые им проблемы, однако из-за характера публикации она не обратила на себя особого внимания ни современников, ни исследователей творчества Ф.И. Успенского.

³ В газете «Гражданин» от 7 февраля 1891 г. вышла резкая критическая статья с осуждением характера празднования памяти патриарха Фотия. Она принадлежала яркому представителю грекофильского направления в русской публицистике государственному контролеру Т.И. Филиппову. В ней он доказывал, что отсутствие церковного чествования Фотия – «это печальное свидетельство разъединения России с Вселенской церковью», и призывал «смирненно преклониться перед Восточной церковью и осознать свое заблуждение» [4, с. 119]. Понятно, что «Вселенской» и «Восточной» церковью Т.И. Филиппов именовал церковь Греческую.

⁴ Отмечая особое положение своего друга и соратника по византийским исследованиям И.Е. Троицкого, В.Г. Васильевский в личном письме от 17 марта 1894 г. именует его «достоцимым логофетом» (ОР РНБ. Д. 511: «Письма В.Г. Васильевского И.Е. Троицкому». Л. 11).

⁵ См. подробнее: Московские ведомости. 1891. 17 февраля.

неприемлемым было признание зависимого положения Русской церкви от Греческой. Отстаивая тезис, что «международное положение той или другой церкви определяется международным положением государства, в котором она находится» (ЦГИА. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 141. Л. 23), И.Е. Троицкий отмечает: «...патриарх Фотий, защитивший Византийскую империю и церковь от латинского папства, положил основание для греческого папства среди народов и церквей, вовлеченных в сферу политического и церковного влияния Византии. Вот почему остальные православные церкви могут лишь с опаской и оглядкой праздновать юбилей знаменитого патриарха. Особенно было бы для них неудобно провозглашение его святым для всего православного мира. При данном положении дел это было бы торжество эллинизма (подчеркнуто в тексте. – В.Б.), который и без того начинает высоко поднимать свою голову» (ЦГИА. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 141. Л. 26–27). Таким образом, был публично заявлен тезис о «восточном папизме»¹, которым в этот период обозначались претензии Константинопольских патриархов на властные полномочия над Вселенской Церковью, и патриарх Фотий был отмечен как один из его основоположников. При этом надо помнить, что это было обвинение, брошенное в пылу полемики и продиктованное в значительной степени необходимостью дать ответ на ряд недружественных действий Константинопольского патриархата во второй половине XIX в.²

Однако для представителей церковно-исторической науки, которым «руководственной нитью при критическом разборе и оценке разных известий и суждений о Фотии» служило «то обстоятельство, что Церковь... твердо хранит его память и причисляет его к числу своих учителей» [7, с. 2], подобное обвинение в адрес одного из «отцов Церкви» было неприемлемым. По мнению прот. А.М. Иванцова-Платонова, не Фотий, а его противники были носителями папистических стремлений, и заслуга Фотия как раз заключается в том, что он «остановил развитие этих стремлений в восточном христианском мире на все будущие времена» [7, с. 19]. Профессор Ф.А. Курганов³ в принципе отрицал наличие какой-либо папистической партии на Востоке. Согласно его точке зрения, «для возвышения значения Фотия вовсе не требуется предположения какой-либо сильной папистической партии на Востоке» [7, с. 19–20]. Важнейшая его заслуга в борьбе с папством состоит в том, что он показал еретичность идеи исхождения Святого Духа и от Сына, как это проповедовали римские папы.

¹ И.Е. Троицкий использовал термин, предложенный одним из лучших знатоков канонического права профессором А.С. Павловым (1838–1898), специализировавшимся в области исторического правоведения. А.С. Павлов в рецензии на сочинение Т.В. Барсова «Константинопольский патриарх и его власть над Русской церковью» охарактеризовал предложенную Т.В. Барсовым историческую модель управления Восточной церковью Константинопольским патриархом «теорией восточного папизма» [6, с. 3]. Однако идеи А.С. Павлова в тот период не обратили на себя особого внимания современников, поэтому можно говорить о том, что введением в отечественный научный дискурс понятие «восточный/византийский папизм» обязано творчеству И.Е. Троицкого.

² Разбирая статью Т.И. Филиппова на страницах своего дневника, И.Е. Троицкий все внимание обращает именно на проблему взаимоотношений Русской и Константинопольской церквей на современном ему этапе, а имя патриарха Фотия используется им только для иллюстрации ряда частных положений (ЦГИА. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 2. Л. 22–27).

³ Ф.А. Курганов (1844–1920) – заслуженный ординарный профессор Казанской духовной академии и Императорского Казанского университета, доктор богословия, крупный отечественный византист, основоположник концепции «симфонии» светской и духовной власти в Византии.

Тем самым он продемонстрировал ложность учения о непогрешимости пап и основанной на ней неограниченности их власти в Церкви [7, с. 25].

Автор концепции «симфонии церкви и государства» в Византии, таким образом, оставил открытым вопрос о «греческом варианте папизма», однако его последователи уже не могли игнорировать эту проблему, так как идея «восточного папизма» получила в отечественной историографии дальнейшее развитие. Н.С. Суворов¹ в своей работе с очень показательным названием «Византийский папа», посвященной Константинопольскому патриарху XI в. Михаилу Керулларию, стремился показать, что после разделения Западной и Восточной церквей Константинопольский патриарх стал претендовать на светскую власть в Византии [8, с. 142–143]. Н.С. Суворов отстаивал концепцию государственно-церковных отношений в Византии, утверждающую теократический характер государства, при котором государство и церковь представляют единое целое при главенстве императора. Свою модель он основывал на принципе «высшей церковной власти императора» [9, с. 35–40]. Пример же патриарха Михаила Керуллария был использован им для доказательства тезиса о наличии в политической культуре Византии тенденции к объединению светской и духовной власти в одних руках.

Таким образом, представления о «восточном папизме», дополненные идеей о претензиях патриарха на светскую власть в государстве, перешли из области вопросов межцерковного взаимодействия в плоскость проблем церковно-государственных отношений. Соответственно, когда в начале XX в. остро встал вопрос о необходимости реформирования синодального строя Православной церкви, они стали вновь востребованы в научных и публицистических кругах. Представления о «греческом папизме» были использованы противниками этого института, в частности, в полемике по вопросу о восстановлении патриаршества, разгоревшейся на заседаниях Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия 1906 г. По мнению А.И. Бриллиантова², развитие патриаршей власти в Греческой церкви вело к упадку и даже к устранению канонического начала соборности в церкви, что приводило к концентрации неограниченной власти в руках высшей церковной иерархии, то есть к папизму в его греческой форме [10, с. 240–242].

Сторонники восстановления патриаршества, видевшие в византийской «симфонии» священства и царства идеал церковно-государственных отношений, подвергли эти тезисы резкой критике. По справедливому замечанию И.И. Соколова, по данным только одной Эпанагоги нельзя делать вывод об отсутствии соборного начала в византийском церковном управлении. Использование же полного комплекса памятников гражданского и церковного права Византии в совокупности с данными историографии позволяет сделать вывод, что патриарх «был душой в церковно-общественной организации, необходимейшей ее частью», «папистических тенденций византийские патриархи никогда не имели:

¹ Н.С. Суворов (1848–1909) – ординарный профессор (с 1898 г.) по кафедре церковного права Московского университета, один из основоположников отечественной науки церковного права.

² А.И. Бриллиантов (1867–1933) – доктор церковной истории, с 1900 г. профессор Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре общей церковной истории, впоследствии член-корреспондент Академии наук СССР.

это противно духу ортодоксии, истинными представителями которого они были» [10, с. 248–249]. И.С. Бердников, возражая на тот же тезис А.И. Бриллиантова (озвученный на этот раз Н.С. Суворовым), утверждал: патриархат обязан своим возникновением внутреннему естественному развитию форм церковного управления, «он развился на почве митрополитского управления и есть не что иное, как применение его в более обширном территориальном районе» [11, с. 592]. Каноничность патриаршества установлена, по заключению И.С. Бердникова, II Вселенским собором, а ряд негативных черт, присущих ему в Средние века в Византии и России, есть «невольная дань искажающему влиянию исторических условий» [11, с. 593–594]. Отдельные проявления «греческого папизма» должны рассматриваться при таком подходе как исключения, изредка встречающиеся отклонения от нормы.

Подобное отношение к идее «восточного папизма» в отечественной дореволюционной историографии со стороны сторонников концепции «византийской симфонии» становится традиционным. В частности, в лекциях профессора И.И. Соколова, читанных в Санкт-Петербургской духовной академии в 1913–1914 учебном году, декларировалось: «...мысль о византийском папизме является тенденциозным недоразумением. Византийские патриархи никогда фактически не стремились ни к владычеству во Вселенской церкви, ни к подчинению себе отдельных автокефальных церквей, ни к присвоению себе власти гражданской и т. п. Все попытки западных ученых (Гергенрётера¹, Брейе²) доказать идею папизма в отношении к тому или другому Византийскому патриарху (Фотий, Михаил Керулларий) разбивались о фактические данные и достоверные исторические свидетельства совершенно обратного значения» [12, с. 18]. На этой эмоциональной констатации разбор концепции «греческого папизма» у И.И. Соколова заканчивается. Можно сделать вывод, что идея наличия в истории Византии «восточного папизма» настолько распространилась в отечественной церковно-исторической мысли, что противники не могли уже ее игнорировать. Поскольку при критике этих представлений мог быть использован уровень декларативных тезисов, можно говорить о том, что данная проблема вышла за рамки сугубо научной проблематики и стала заметным явлением в общественной жизни.

Таким образом, на примере полемики вокруг патриарха Фотия видно, как частный для духовно-академической византистики сюжет перерос в серьезную церковно-историческую проблему, получившую в дальнейшем церковно-политическое звучание. Этот пример в очередной раз доказывает тесную связь

¹ Й. Хергенрёттер (1824–1890) – немецкий церковный историк и канонист, кардинал католической церкви. В 1879–1890 гг. – глава Ватиканского архива, с 11 августа по 3 октября 1890 г. – кардинал-протодьякон. Активно пропагандировал в научных работах концепцию «цезарепапизма» применительно к характеристике церковно-государственных отношений в Византии. В лекции И.И. Соколов говорит о его трехтомном сочинении «Фотий, патриарх Константинопольский: его жизнь, его труды и греческий раскол» (Hergenrother. Photius, Patriarch von Constantinopel: Sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. Regensburg, 1867–1869), которое получило высокую оценку в отечественной историографии несмотря на ярко выраженную тенденциозность в освещении деятельности патриарха Фотия, а также в оценке причин разделения Восточной и Западной церквей [13, с. 694; 2, с. 262–263].

² Л.Р. Брейе (1868–1951) – крупный французский византист, известный своими трудами по истории византийской цивилизации и византийскому искусству. И.И. Соколов, по всей видимости, имеет в виду его докторскую диссертацию «Восточная схизма в XI в.», защищенную в Сорбонне в 1899 г.

византиноведческих исследований с актуальными на данное время общественно-политическими проблемами. Следует признать, что традицию значительного влияния социально-культурного контекста на ход и результаты исторических исследований можно наблюдать с периода научного оформления отечественной византистики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» (государственный контракт № 02.740.11.0350).

Summary

V.R. Bliiev. Disputes about Patriarch Photius and the Problem of Eastern Papistry in Russian Historiography in Late 19th – Early 20th Centuries.

The article views the evolution of eastern papistry conception in Russian historiography under the influence of actual church and political problems in late 19th – early 20th centuries.

Key words: historiography, eastern papistry, patriarch Photius.

Источники

ЦГИА – Центральный Государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург. Ф. 2182 (фонд И.Е. Троицкого).

ОР РНБ – Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки. Ф. 790 (фонд И.Е. Троицкого).

Литература

1. [Б.а.] Много ли мы знаем о патриархе Фотии и его эпохе? (По поводу тысячелетия со времени кончины патриарха Фотия) // Православное обозрение. – 1891. – Январь. – С. 71–90.
2. *Лебедев А.П.* История разделения церквей в IX, X, XI вв. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1900. – 415 с.
3. *Лебедев А.П.* Русский византист на служении церковно-исторической науке // Лебедев А.П. «Великий и в малом...»: Исследования по истории Русской церкви и развития русской церковно-исторической науки. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. – С. 309–335.
4. *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на Православной Востоке (1878–1898): Дис. ... д-ра ист. наук. – СПб.: С.-Петерб. Ин-т истории РАН, 2006. – 334 с.
5. *Успенский Ф.И.* Деятельность патриарха Фотия в связи с исторической миссией византизма: Речь, сказанная в публичном заседании историко-филологического общества 6 февраля 1891 г. // Помощь самообразованию. – Саратов, 1891. – № 3(5). – С. 221–232.
6. *Павлов А.С.* Теория восточного папизма в новейшей русской литературе канонического права [Рец.: Т. Барсов «Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью». СПб., 1878]. – М.: Университетская тип., [1879–1880]. – 52 с.
7. *Курганов Ф.А.* К исследованию о патриархе Фотии. Отзыв о представленном на соискание Макарьевской премии сочинении профессора Императорского Москов-

- ского университета, протоиерея А.М. Иванцова-Платонова: «К исследованию о Фотии, патриархе константинопольском, по поводу совершившегося тысячелетия со времени кончины его. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1892 г., с приложениями. СПб., 1892». – [Отд. отт. из:] Христианское чтение. – 1895. – Т. 1. – [Б.м.], [б. г.]. – 47 с.
8. *Суворов Н.С.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. – М.: Университ. типограф., 1902. – 163 с.
 9. *Суворов Н.С.* Учебник церковного права / Под ред. и с пред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 504 с.
 10. Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия: в 4 т. – СПб.: Синодальная тип., 1906. – Т. I. – 694 с.
 11. Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия: в 4 т. – СПб.: Синодальная тип., 1907. – Т. II. – 674 с.
 12. *Соколов И.И.* Лекции по истории Греко-восточной церкви: в 2 т. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. – Т. I. – 378 с.
 13. *Успенский Ф.И.* История Византийской империи: в 5 т. – М.: Астрель; АСТ, 2005. – Т. 3. Период Македонской династии (867–1057). – 800 с.

Поступила в редакцию
22.12.09

Блиев Владимир Русланович – аспирант кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: bliev85@mail.ru